

Валентина Соболь
ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-0484-6874>
(Варшавский университет, Варшава, Польша)

Взаимоотношения Коцюбинского и Горького. Философский контекст коммуникации

Relations between Kotsyubynsky and Gorky. The philosophical context of their communication

Резюме: В статье автор реализует попытку осмысления философского контекста взаимоотношений М. Горького и М. Коцюбинского на материале интимных писем Коцюбинского к своей Беатриче, Александре Аплаксиной. В 330 письмах и записках Коцюбинского к Аплаксиной более 100 раз упоминается Горький или рассказывается о нем. Между двумя мастерами слова происходило и творческое взаимообогащение и личностное взаимоочищение. Здесь доминирует искренность, отсутствие игры и наигранности, видим идеал творческой коммуникации. Бенедетто Кравери называет его идеалом «...spod znaku elegancji i uprzejmości, który przeciwstawiał logice siły i okrucieństwa instynktów sztukę przebywania razem, opartą na intelektualnym uroku i wzajemnej satysfakcji».

Ключевые слова: Философия, коммуникация, Горький, Коцюбинский, Аплаксина, письма, творчество, любовь

Summary: This article sets out to show the comprehension of the philosophical context of the relationship between Gorky and Kotsyubinsky as based on a corpus of intimate letters of Kotsyubinsky to “his Beatrice”, Aleksandra Aplaksina. In the total of 330 letters and notes of Kotsyubinsky to Aplaksina, Gorky is mentioned, or some information about him is shared, more than 100 times. The two “masters of the word” were engaged in a mutual catharsis and mutual creative enrichment. Their correspondence was marked by sincerity and lack of pretence; we see there the ideal of creative communication. Benedetto Craveri calls it an ideal “... characterized by elegance and courtesy, that countered the logic of strength and cruelty of instincts with the art of being together, based on intellectual charm and mutual satisfaction”.

Key words: philosophy, communication, Gorky, Kotsyubynsky, Aplaksina, letters, creativity, love

Целью настоящего исследования является философско-этический контекст коммуникации Коцюбинского и Горького¹. *Философский энциклопедический словарь* (1983) представляет коммуникацию (от лат. communicatio – сообщение, передача) – как одну из основных тем в экзистенциализме и персонализме, мистифицирующих ее реальное содержание. Игнорируя социальный смысл коммуникации, представители

¹ Сначала краткий экскурс. Произведения Коцюбинского в переводе на русский язык были изданы еще при жизни писателя. Самым авторитетным принято считать авторизованный трехтомник, который издало товарищество «Знание» в 1911–1914 гг. После этого несколько раз выходили его *Сочинения и Избранные произведения* – в 1929, 1932, 1936, 1939, 1943, 1948, 1949 гг. В 1951 г. на базе украинского академического издания произведений Коцюбинского был осуществлен русский перевод трех томов под редакцией Павла Тычины и Михаила Ушакова (Коцюбинский 1951).

идеалистических течений рассматривают ее как процесс, посредством которого «Я» становится самим собой, обнаруживая себя в другом (Ясперс); толкуют как «глубинное несчастье самобытия» (Сартр); усматривают в ней основное отличие человека от остального мира (Мунье); признают неустранимым трагизм коммуникации между людьми» (Философский... 1983: 269). Показательно, что изданный почти двадцатью годами позже *Постмодернизм. Словарь терминов* Ильи Ильина предлагает статью на семь страниц „Коммуникация повествовательная и драматическая” (Ильин 2001: 110–116). Предстает воистину «процесс практически бесконечной сложности» (Ubersfeld 1991: 308), если воспользоваться таким заключением А. Юберсфельд. Мы обратимся к известным формам коммуникации – публикация, дискуссия, интеллектуальное влияние и др. Прислушаемся к идеям Вилларда Ван Ормана Квайна, философские работы которого оказали наиболее существенное влияние на проблематику и занятия философией за последнее полвека, как подчеркивает Барбара Станош в послесловии к изданию книги *Różności. Słownik prawie filozoficzny*:

„Przekazujemy innym ludziom nie tylko choroby, ale również idee. Idea mieszcząca się w jednym umyśle zostaje skopiowana w drugim. [...] Możemy rzucić pewne światło na naturę i granice komunikacji, jeśli odrzucimy mgliste pojęcie idei i **zajmiemy się dotykálną, widzialną i słyszalną rzeczywistością. Proste zdania na takie konkretne tematy są świetnym narzędziem komunikacji, a zwłaszcza wtedy**, gdy zarówno my, jak i nasi rozmówcy, od czasu do czasu stykamy się z przedmiotami, o których mowa” (выделено мною. – В.С.) – пишет философ в статье *Коммуникация* (Quine 2000: 81).

Философское осмысление взаимоотношений двух великих писателей раскрывает как раз **нечто более глубокое**, более совершенное, чем об этом сказано в вузовских и школьных учебниках. Повесть Горького *Лето* Коцюбинский читал еще до ее публикации, и из этого факта делались выводы о подобии не образов или эпизодов, а в направлении и в духе произведений о селе (Історія української... 1978). При этом утверждается, что произведения Горького *Мать*, *Лето* и Коцюбинского *Fata morgana* (мираж, оазис посреди пустыни) это как бы трилогия народной революции², созданная великими художниками.

На формирование литературных вкусов Коцюбинского, как он сам признается, повлияли преимущественно европейские писатели, такие как Э. Золя, К. Гамсун, А. Шницлер и др. (Автобіографічні замітки... 2002: 309). Этим писателям присуща, как и Коцюбинскому, импрессионистическая манера – сам же импрессионизм рассматривается как ранний модернизм или предмодернизм (Насенко 2008: 596).

² Именно после 1909 года, в период 1910-1912 гг., Коцюбинский написал, кроме второй части *Fata morgana*, еще 8 произведений. И что очень важно – только три из них (*Сон*, *Подарунок на іменини*, *Коні не винні*) имеют революционное звучание. А самые замечательные – *Тіні забутих предків*, *Лист*, *Що записано в книгу життя*, *Хвала життю*, *На острові* – это лирико-философские размышления о жизни и смерти, человеке, природе. Именно эти произведения в 20-е годы XX в подверглись нападкам критиков за то, что автор стоит в стороне от актуальных политических проблем эпохи (подчеркнуто мною. – В.С.).

М. Горький хотя и не был в их числе, но его влияние бесспорно. Общение Горького и Коцюбинского (1864–1913) начинается в 1909 г. и перерастает в искреннюю дружбу. Горький смог убедиться, что Коцюбинский в мире идей красоты и добра был «своим» человеком, любил добро любовью художника, верил в его побеждающую силу:

В мире идей красоты и добра он (Коцюбинский- В.С.) – «свой» человек, родной человек, и с первой встречи он возбуждает жажду видеть его возможно чаще, говорить с ним больше (Горький 1949, т. 14)³.

Мало сказать о разнообразных формах коммуникации – беседе, дискуссии, интеллектуальном влиянии и т. п. Актуальным видится осмысление феномена взаимоотношений Горького и Коцюбинского на материале интимных писем Коцюбинского к своей Беатриче, Александре Аплаксиной. В 330 письмах и записках к Аплаксиной более 100 раз вспоминается Горький. В них находим множество обращений к Горькому, восхищений им, благодарности, общих планов, литературных замыслов и т. п. Все это свидетельствует, что между двумя мастерами слова происходило личностное взаимоочищение и творческое взаимообогащение. Подтверждения этому – искренние, предельно откровенные – в избытке находим в письмах Коцюбинского к Аплаксиной: и с Капри, и из Чернигова, и из Криворивни. Сложно оставить под чертой этот глубоко личный дискурс и драму писателя (семья, четверо чудесных детей и юная Беатриче-Аплаксина). Он сам осознавал и глубоко переживал ситуацию раздвоения. Как пишет племянница писателя, исследовательница Михайлина Коцюбинская, писатель собственно и был таким: и в творчестве, и в литературных вкусах:

«Стоячи між реалістичним традиційним письмом, психологічно поглибленим й імпресіоністично оновленим, і «чистим» модернізмом, він ніс у собі ці манери письма, не віддаючись всуціль модернізмові, маючи до нього певні обереги. Така ж «двоїстість» і в життєвій позиції. Безоглядність не в його натурі. Натомість – вічне невдоволення собою, і як людиною, і як письменником. Цим дихають листи. І то, гадаю, не поза. Таким був» (Коцюбинська 2008: 321).

Коцюбинская с раннего детства знала Аплаксину как тетю Шуру. В старшем школьном возрасте и в юности, когда созрела для откровений, ей посчастливилось услышать от тети Шуры, уже совершенно ослепшей, что приближение на расстояние сердца к человеку такого формата, каким был писатель, компенсировало ей отсутствие жизненной определенности и давало ей счастье; что чувства Аплаксиной это праздник, который «всегда с ней» (Коцюбинська 2008: 323). Философия взаимоотношений Коцюбинского и Горького тесно связана с этой стороной жизни Коцюбинского, с сенсационными, чрезвычайно насыщенными

³ В 1953 г. выходит в свет 16 томов произведений Горького на украинском языке, в седьмом томе находим те же слова Горького (Горький 1953: 260).

информативно письмами к Александре Аплаксиной, в которых важным объектом дружбы-любви-восхищения становится Горький. Как уже подчеркивалось, в 330 письмах и записках Коцюбинского к Аплаксиной более 100 раз он пишет о Горьком. Письма к Аплаксиной впервые в 1938 г. издал (с купюрами) Илья Стебун (Кацнельсон), а в 1994 Иван Денисюк констатировал, что то первое издание исчезло фактически из всех библиотек. Вокруг этой переписки вспыхнула дискуссия на рубеже XX–XXI вв. Соломия Павлычко (Павличко 2002: 505–524) сравнила письма Коцюбинского к Аплаксиной (прочтя 330 писем в отделе рукописей Института литературы НАН Украины) и к жене Вере Устиновне (309 писем в Черниговском музее Коцюбинского). Ее выводы и комментарии довольно острые: Коцюбинский отбросил «профанную» сферу чревоугодия, характерную для начала народнической литературы, и перенес свой взгляд из быта на чувства, психологию, красоту (Павличко 2002: 505).

30 ноября 1911 года Коцюбинский сообщает своей Беатриче, что у нее только одна серьезная соперница: «Да, милостивая государыня, у Вас имеется соперница. Блондинка она или брюнетка – решайте сами, но соперница несомненная: это m-lle Литература, ревнивая и страстная особа. Но мы сумеем помирить ее с Вами и будем жить вместе в любви и согласии. Неправда ли?»

Принимая оборонно-защитную позицию и племянницы, и музы, трудно все же не заметить чрезмерный эгоцентризм Коцюбинского: «Ты мне необходима как воздух, как живописцу краски и музыканту звуки» (Коцюбинский 2008: 48) – и этот мотив потери зрения и слуха писатель развернул в рассказе *Сон*⁴. Этот креативный эгоцентризм отчетливо виден во многих разновременных фрагментах корреспонденции. В письме из Чернигова от 24 марта 1911 г. читаем: «Я себя чувствую неважно. Примусь за себя после совета врача. Хотя я убежден, что только один врач может помочь мне – это ты, мое счастье. Мое настроение, нервы, здоровье, спокойствие – все это в твоих руках, Шуручка» (Коцюбинский 2008: 158).

В ином контексте – абсолютного и безоговорочного приоритета творчества как смысла жизни – Коцюбинскому ближе всего Горький. Он удивляется сам и пишет с Капри 4 декабря 1910 года: «Не могу понять, почему моя особа вызывает такой интерес у Горького и вообще у здешней публики, но это факт, от которого я подчас страдаю» (Коцюбинский 2008: 174).

Ответ находим у самого Горького:

«Прекрасное – это редкое», – говорили Гонкуры. Он был одним из тех редких людей, которые при первой же встрече с ними вызывают благодное чувство удовлетворения: именно этого человека ты давно ждал, именно для него у тебя есть какие-то особенные мысли! В мире идей красоты и добра он – «свой» человек, родной человек, и с первой встречи он возбуждает жажду видеть его возможно чаще, говорить с ним больше. Обо всем подумавший, он как-то особенно близок хорошему, и в нём кипит органическая брезгливость

⁴ Герой рассказа Антон в подобный способ пишет о своих чувствах: «Я почув її голос і перестав бути мертвим деревом скрипки. Вона вже водилоа смичком своєї уяви по тугих струнах. Голос мій знов обізвався у грудях і очі видючими стали» (Коцюбинский 1974: 173).

к дурному. У него тонко развита эстетическая чуткость к доброму, он любит добро любовью художника, верит в его победную силу, и в нём живёт чувство гражданина, которому глубоко и всесторонне понятно культурное значение, историческая стоимость добра (Горький 1949).

В письмах к Аплаксиной видна эволюция контактов Коцюбинского с Горьким, то, как они становятся все более дружественными, родственными. С Горьким и Гинцбургом, который лепит скульптурный портрет Максима Горького, Коцюбинский 9 июня 1909 года уезжает с Капри в удивительный город под самым Везувием – Тогге del Greco посмотреть на торжество:

«Переночевавши в городе, на другой день поплыли в Моренто, прекрасный уголок Италии, а оттуда к вечеру (вчера) к Капри, где и закончили очень веселым обедом у Горького. Еще раньше, перед отъездом, я провел вечер у Горького и смотрел тарантеллу, такую особенную, какую умеют танцевать лишь 2 человека во всем мире, и они живут как раз здесь. А когда приедут Амфитеатров, Бунин и др., мы поедем в Сицилию, где еще лучше, чем здесь» (Коцюбинский 2008: 103).

20 июня 1909 года Горький приглашает Коцюбинского послушать его новую повесть *Лето*. Потом они вместе идут на вечер к известному немецкому астроному Мейеру, где, как узнаем из письма к Музе от 20 июня 1909 года, «нас угостили пением какой-то певицы и немецкого художника Рудинова, но все это было из оперы „заткни уши”, и была такая скука, что все мухи на Капри подошли. Мы тогда остаток вечера провели у Горького, дурачились, пели и смеялись» (Коцюбинский 2008: 107). Спустя почти год, 4 июня 1910 года, Коцюбинский снова на Капри, вот как пишет в письме о встрече: «Здесь встретили меня как родного. Мы так долго целовались и обнимались, что даже наскучило. Боюсь, что это знакомство нарушит несколько мой покой. У Горького гостит писатель Пятницкий и еще один грузинский писатель»⁵. 10 июня 1910 года Коцюбинский сообщает Аплаксиной, что скоро приедет Шалапин «и я буду слушать его у Горького, он с ним большой приятель» (Коцюбинский 2008: 129). И в тот же день – после рыбной ловли – он засиделся у Горького до 12 ночи:

«Литература, литература и литература. Мой отельный хозяин сердит, что я где-то обедаю вне отеля. Завтра или послезавтра Горький будет читать мне свою новую пьесу, которую он написал для немецкого театра. Интересно. Напишу тебе. У нас с ним устанавливается тесная дружба, мы полюбили друг друга, но ты не ревнуй – ты всегда на первом месте» (Коцюбинский 2008: 129–130).

⁵ Власа Мгеладзе – участник Иранской революции, Горький восхищался его рассказами о приобретенном в Персии опыте.

В письме речь идет об одноактной комедии *Встреча*, она вышла отдельным изданием под заглавием *Дети* в берлинском издательстве Ивана Ладъжникова. В личной библиотеке Коцюбинского сохранился экземпляр с дарственной надписью: «Сердечному человеку Михаилу Михайловичу Коцюбинскому на память. А.Пешков. Сарги. 1910. Ноябрь»⁶. Окончательный вариант под заглавием *Встреча* был опубликован в том же 1910 г. в журнале «Современный мир» (№ 9, с. 40–60). Важен факт, что первое представление пьесы в сентябре 1910 г. состоялось в киевском театре «Соловцов». И действительно, 14 июня 1910 г. Горький читал Коцюбинскому «новую свою вещь, веселую драматическую вещицу, а потом рассказывал эпизоды из своей жизни. Он такой удивительный рассказчик, что я заслушался и незаметно просидел до 1 часу ночи, а лег в 2» (Коцюбинский 2008: 129–131).

21 июня 1910 года для «дорогой детки» (как называет часто Аплаксину) звучит рассказ о грандиозной рыбной ловле, «устроенной Горьким специально для меня». Это изысканное описание красоты моря, рыб-угрей и рыбы-черта, акулы, у которой самое удивительное – ее глаза, «громадные без зрачка, зеленые, ярко-зеленые и самосветящиеся, как драгоценный камень» (Коцюбинский 2008: 134). Коцюбинский пленен и морем, и атмосферой родства душ: «Почти каждый день, часа в 3, моя комната наполняется людьми – это заходит ко мне Горький с семейством, и мы отправляемся на море. После рыбной ловли был я у Горького на маленьком балу, он принимал 54 учителей-экскурсантов» (Коцюбинский 2008: 137). Грандиозную рыбную ловлю для Коцюбинского Горький устраивает еще раз, 22 июля 1910 года – на прощание Коцюбинского с Неаполем: «Горький и его семья просто не выпускали меня из своих рук, вторично, на прощание, устроили большую рыбную ловлю, и вчера я весь день, с 6 часов утра, был на море» (Коцюбинский 2008: 149).

Анализируемые здесь письма – и как исповедь, и как зеркало. Самым важным и интересным предстает для Коцюбинского в рассказах о Капри – Горький. Коцюбинского утомляют люди, он сознается, что никогда не скучает в одиночестве: «Природа дает так много, а в себе самом нахожу неиссякаемый источник развлечений и интересов. Человек в себе имеет так много интересного, что хватило бы не на одну, а на несколько жизней, надо уметь только извлекать и пользоваться» (Коцюбинский 2008: 139). Единственный, с кем себе не отказывает во встречах, – Горький. Вот как он пишет 1 июля 1910 года: «Дней десять буду вести жизнь еще тише прежней, т.к. Горький выехал к своим детям в Геную и я остался в уединении. Правда, молодое поколение обещало заходить ко мне, но я увильну как-нибудь» (Коцюбинский 2008: 140). И надо сказать, Коцюбинский блестяще увильнул (или набирает дистанцию?) и от посетителей, и от неразрешимых проблем. На просьбу Аплаксиной, на ее «собственный голос»⁷ серьезно поговорить и... расстаться, он пишет: «Ты предлагаешь о чем-то поговорить серьезно. Если чувствуешь потребность – говори. Я же серьезно могу сказать одно: люблю тебя. В это вся моя программа, вся моя вина и все оправдание» (Коцюбинский 2008: 138).

⁶ См. комментарии: (Коцюбинский 2008: 477).

⁷ Смотри на тему собственного голоса женщин статью: (Nasiłowska 2019: 7–11).

В то же время в отношениях с другом – идеал творческих, возвышенных контактов реализуется сполна. О такой коммуникации пишет французская исследовательница Бенедетта Кравери в книге *Złoty wiek konwersacji*, называя его идеалом товарищеским

...spod znaku elegancji i uprzejmości, który przeciwstawiał logice siły i okrucieństwa instynktów sztukę przebywania razem, opartą na intelektualnym uroku i wzajemnej satysfakcji” (Craveri 2009: 9).

К такому именно уровню коммуникации максимально близки Коцюбинский с Горьким. Этот акцент тем более очевиден, что в душе Коцюбинского жила неразрешимая драма. Он хочет похожей гармонии и в личных отношениях, и с Александрой Аплаксиной, и с женой Верой Устиновной, обеим пишет похожие письма. Их без сантиментов сравнила Соломия Павлычко, придя, однако, к неутешительным заключениям (Павлычко 2002: 505–524). И в этом дискурсе отношения скорее напоминают игру, игру порою крайне опасную. Виллард Ван Орман Квайн в статье «Gra» пишет:

Gra może być rozrywką, ale jest to niebezpieczna rozrywka. Perspektywa wygranej lub przegranej nadaje przyjacielskiej grze dodatkowego smaczku, dopóki stawka jest wystarczająco wysoka, by warto było o nią grać, ale nie tak wysoka, by budzić poważny niepokój (Quine 2000: 59).

Коцюбинский просит в письмах любить его. Шлет засушенные цветы. Просит, чтобы это она, и только она как можно быстрее придумала место тайных встреч в Чернигове. Пишет подробные искренние отчеты о самочувствии физическом и психическом, доминируют отцовскопоучительные интонации и обращения «Дорогая детка», «Шурок». Просит помнить и любить: «Спрашиваешь, не кашляю ли я. Мало. Разве от временной простуды. Но все это пустяки, лишь бы было настроение работать: ты и работа – это вся моя жизнь» (Коцюбинский 2008: 155). Письма из гуцульской Криворивни летом 1911 года, где Коцюбинский собирал богатейший материал для повести о гуцулах «Тіні забутих предків», также очень информативны. Вместе с гуцулами писатель выезжает в горы, наблюдает их быт, изучает этнографию, обряды, например, обряд «Грушка», мастерски описанный позже в произведении: «И каких только игр не было! Смех раздавался непрерывно, шутки, поцелуи, крик, а покойница скорбно сомкнула уста, и теплятся похоронным блеском свечи. И так всю ночь. Такой сильный контраст, что я и на следующую ночь не мог уснуть под впечатлением сцены» (Коцюбинский 2008: 165). Показательно, что в самой повести «скорбно сомкнутые уста» (из письма) трансформируются в образ – «загадкова усмішка смерті» (подчеркнуто мною - В.С.). И здесь можно говорить о созвучии философского осмысления смерти Коцюбинским и Горьким. Горький, как известно, был под большим впечатлением от романа Бернгарда Келермана *Море*, в частности такой вот фразы: «Благословен закон бренности, вечно обновляющий дни жизни...» (Кузнецов,

Орлик 1990: 141-143)⁸. Исследуемые письма убеждают, что те последние годы жизни Коцюбинского были очень насыщены – наиболее творчеством и дружбой, которая помогла выдержать уже серьезно больному писателю превратности судьбы.

Умер Коцюбинский 12 апреля 1913 года в Чернигове. О похоронах с запретом произносить речи и драматическом прощании с Коцюбинским, выпавшими на Пасху – 18 апреля 1913 года, находим ценную информацию в дневнике мецената-эмигранта Евгения Чикаленко⁹:

«Стало відомо, що поліцмаєстер заборонив промовляти над труною небіжчика. Скаржитися – нікому: ні губернатора, ні віце-губернатора в місті на цей час не знайшлося [...] Так хотілося почути рідне живе слово втіхи серед загального смутку. Але його було заборонено. «Вічна пам'ять» не затихала, повторюючися на всякі мотиви. Але поліція почала іритуватися і скоро «очистила» кладовище від публіки» (Чикаленко 2004: 273).

Аплаксину не пустили попрощаться с Коцюбинским. Горький тоже не был на прощании в Чернигове, но откликнулся на смерть друга блестящим очерком, в котором звучит глубинное понимание украинского гения, силы его слова. Ведь Коцюбинский воистину был для Горького «одним из тех редких людей, которые при первой же встрече с ними вызывают благостное чувство удовлетворения: именно этого человека ты давно ждал, именно для него у тебя есть какие-то особенные мысли!».

Литература:

- Автобіографічні замітки... 2002: *Автобіографічні замітки М. Коцюбинського*, [в:] Єфремов С., *Вибране. Статті, наукові розвідки, монографії*, Київ, с. 309.
- Горький М., 1949, *Собрание сочинений в 30 томах*, т. 14. – *Повести, рассказы, очерки 1912–1923*, Москва.
- Горький М., 1953, *Твори в шістнадцяти томах*, т. 7, Київ. 1953.
- Ильин И., 2001, *Коммуникация повествовательная и драматическая*, [в:] *Постмодернизм. Словарь терминов*, Москва, с. 110–116.
- Історія... 1978: *Історія української літератури. Кінець ХІХ- початок ХХ століття*, за ред. Н. Жук, В. Лесина, С. Шаховського, Київ.
- Коцюбинский М., 1951, *Собрание сочинений в трех томах*, Москва.
- Коцюбинський М., 1974, *Твори в семи томах*, т. 3, *Оповідання. Повісті (1906–1913)*, Київ.

⁸ См. также комментарии Степана Захаркина в книге: (Коцюбинський 2008: 509).

⁹ «Родина покійного лишилася без усяких засобів, а вона чималенька: четверо дітей, найстаршому з них 6 років, хвора сестра та стара сліпа мати, і єдиним робітником на них залишилася дружина покійного, що за службу в земстві відбирає 50 руб. на місяць. Власний домок їхній заставлено в банку і перезаставлено по приватній закладній, то оцього заробітку не стане й на оплату процентів за борги» (Чикаленко 2004: 273–274).

- Коцюбинський М., 2008, *Листи до Олександри Аплаксіної*, Київ.
- Кузнецов Ю., 1990, *Слідами феї Моргани. Вивчення творчості М.М.Коцюбинського в школі*, Київ, с. 141–143
- Наєнко М., 2008, *Художня література України. Від міфів до модерної реальності*, Київ.
- Павличко С., 2002, *Пристрасть і їжа: особиста драма Михайла Коцюбинського*, [в:] Павличко С., *Теорія літератури*, упорядники В. Агеєва, Б. Кравченко, передмова Марії Зубрицької, Київ, с. 505–524.
- Философский... 1983: *Философский энциклопедический словарь*, глав. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов, Москва.
- Чикаленко С., 2004, *Щоденник, том перший (1907-1917)*, т.1. Київ.
- Craveri B., 2009, *Złoty wiek konwersacji*, przeł. J. Ugniewska i K. Żaboklicki. Warszawa.
- Nasiłowska A., 2019, *Własny głos*, „Teksty Drugie” nr 3, s. 7–11.
- Quine W., 2000, *Komunikacja*, [w:] Idem, *Różności. Słownik prawie filozoficzny*, przeł. C. Cieśliński, Warszawa.
- Ubersfeld A., 1991, *L'école du spectateur*, Paris.

References:

- Avtobiografichni zamitki... 2002: *Avtobiografichni zamitki M. Kotsyubins'kogo*, [in:] Jefremov S., *Vibrane. Statti, naukovi rozvidki, monografii*, Kyiv, p. 309.
- Chikalenko E., 2004, *Shodennik, tom pershiy (1907–1917)*, vol. 1, Kyiv.
- Craveri B., 2009, *Złoty wiek konwersacji*, transl. J. Ugniewska and K. Żaboklicki. Warszawa.
- Filosofskiy... 1983: *Filosofskiy èntsiklopedicheskij slovar'*, ed. L.F. Il'ichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov, Moskva.
- Gor'kiy M., 1949, *Sobraniye sochineniy v 30 tomakh*, vol. 14. – *Povesti, rasskazy, ocherki 1912–1923*, Moskva.
- Gor'kiy M., 1953, *Tvori v shistnadsati tomakh*, vol. 7, Kyiv. 1953.
- Il'in I., 2001, *Kommunikatsiya povestvovatel'naya i dramaticheskaya*, [in:] *Postmodernizm. Slovar' terminov*, Moskva, pp. 110–116.
- Kotsyubinskiy M., 1951, *Sobraniye sochineniy v trekh tomakh*, Moskva.
- Kotsyubinskiy M., 2008, *Listi do Oleksandri Aplaksinoi*, Kyiv.
- Kotsyubinskiy M., 1974, *Tvori v semi tomah*, vol. 3, *Opovadanniya. Povisti (1906–1913)*, Kyiv.
- Kuznecov Yu., 1990, *Slidami feyi Morgani. Vivchenniya tvorchosti M.M. Kotsyubins'kogo v shkoli*, Kyiv, pp. 141–143
- Naenko M., 2008, *Hudozhnaya literatura Ukrayini. Vid mifiv do modernoyi real'nosti*, Kyiv.
- Nasiłowska A., 2019, *Własny głos*, „Teksty Drugie” no 3, pp. 7–11.
- Pavlichko S., 2002, *Pristrast' i yizha: osobista drama Mikhayla Kotstyubins'kogo*, [in:] Pavlichko S., *Teoriya literaturi*, ed. V. Ageeva, B. Kravchenko, M. Zubritskaya, Kyiv, pp. 505–524.
- Quine W., 2000, *Komunikacja*, [in:] Quine W., *Różności. Słownik prawie filozoficzny*, transl. C. Cieśliński, Warszawa.
- Ubersfeld A., 1991, *L'école du spectateur*, Paris.

Istoriya... 1978, *Istoriâ ukraïns'koi literaturi. Kinets' XIX- pochatok XX stolittya*, ed. N. Zhuk, V. Lesina, S. Šahovs'kiy, Kyiv.